

Бумажное сердце

Время МН. — 2000. — 16 авг. — с. 7.

ИЛЬМИРА СТЕПАНОВА, С.-Петербург

Три странных клоуна стояли на краешке сцены, над которой кружились мыльные пузыри, и пели: «Блю-блю-блю канари...». А зрители смотрели на них с улыбкой и думали о чем-то своем. Странное дело: «голубых канареек» с непонятными словами все помнят, хотя с тех пор как номер был исполнен впервые, прошло пятнадцать лет, да и прежних «Лицедеев» давно уж нет — Полунин в Лондоне, Чора — в Америке, Леня Лейкин и Валера Кефт — в Канаде... Но остался Роберт Городецкий. Кстати, «канареек» он и придумал. Многие считают, что Городецкий то ли уехал, то ли пропал куда-то. А он здесь, в Питере, — празднует 60-летний юбилей и создает собственный спектакль под названием «Театр на бумаге».

— Я родился в Ленинграде в 1940 году. Когда начиналась блокада, родители едва успели вырваться в эвакуацию. Вернулись в 45-м. Мы очень бедно жили, и папа (он был театральным художником) сшил мне картонные тапочки. Я в них ходил. Мама тогда искала работу, ее нигде не брали. Один раз устал ждать ее у дверей, заглянул в кабинет и увидел, что она стоит перед какой-то начальницей и плачет. Я посмотрел на суровую тетку и сказал: «Смотрите, какие башмачки мне папа сшил!». И маму взяла на работу... Как-то во время дождя бегал по лужам, а когда вернулся домой, мама спрашивает: где же твои тапочки? Они размокли и остались в какой-то луже. Так, наверное, начинаются клоуны и их бумажные театры...

...**Мальчишкой выдел французского эксцентрика на одном колесе. Он не делал никаких сальто, трюков, только ездил по манежу и... икал. Сделает круг, притормозит на секунду, икнет и дальше катит.**

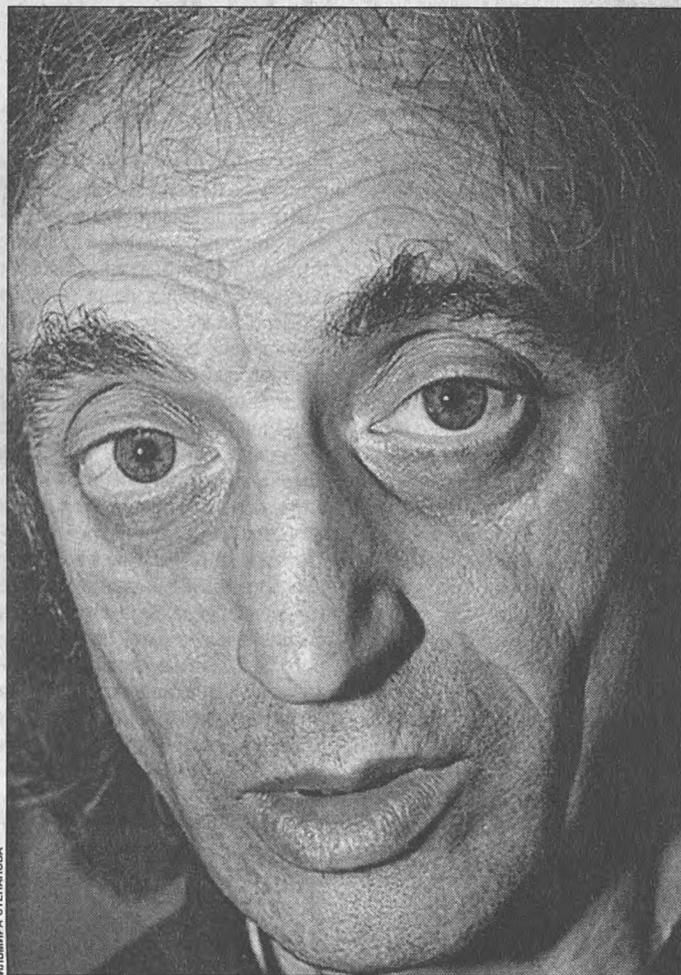
— Мы выступали на стадионе в Приозерске — давно уже, лет пятнадцать назад... В перерыве между репетициями я поделился своим нехитрым обедом с бездомной черненькой собачкой. А когда в начале концерта появился на трибуне, увидел, что внизу на ковровой дорожке расположилась моя собачка. Она узнала меня, хотя я был в костюме, в гриме. Я шел к сцене, она с другого конца направилась ко мне — не спеша, словно понимая, что

здесь что-то происходит. Остановился — и она остановилась. Лег — и она легла. Она приняла мою игру, и мы поползли навстречу друг другу. Когда между нами оставалось метра полтора, я подпрыгнул. К моей радости, собачка сделала то же самое. Тогда я развернулся и побежал. Она гоняла меня по всему стадиону, заливаясь веселым лаем... Когда мы уезжали, меня спросили: «А где же ваша чудесная собачка? Как вы ее дрессировали?». Не знаю, говорю. Все само вышло.

Мне не раз доводилось вести за собой праздничные процессии. Это колоссальное чувство. Будто какая-то пружина сжимается за тобой, колыхается, качается, и ты ее держишь, ты задаешь ритм, напряжение. Ни на секунду нельзя расслабиться. Поднимаешь руки — все делают то же самое. Выкрикиваешь — за тобой повторяют. Ты же во главе! Ведешь, куда хочешь. Как-то в Ульяновске процессия направлялась на центральную площадь, где памятник Ленину. Ко мне подбежал генерал и приказал: ведите их в другую сторону. Почему-то он не хотел, чтобы толпа туда повернула.

...**В Челябинске на Грушинском фестивале клоуны шли друг за другом, как слепые. А вел эту кавалькаду человек с зонтиком, у которого не было головы.**

— Я ушел от «Лицедеев» в начале 90-х, когда уходил Слава Полунин. Он приглашал меня в канадский цирк, но я не поехал. Не хотел начинать все сначала, в дру-

ИЛЬМИРА СТЕПАНОВА

Роберт Городецкий — веселый грустный клоун

гой стране. Мне тут легче. Я чувствую здесь свою нужность. Коля Терентьев здесь, Витя Соловьев, Аня Орлова, Анвар Либабов. Есть Чаплин-клуб, репетиционный зал на втором этаже, а самое главное — могу потихонечку делать свой спектакль. Однажды нашел дома черно-белые фотографии. Мы просто импровизировали, дурачились — разные позы, реквизиты. А на стене висел большой загнутый лист ватмана. На фоне белой бумаги менялся ракурс, и все будто повисало в пространстве. Я увидел в этом какое-то зерно и подумал: все, что происходит на этой бумаге, вокруг нее, все, что рождается на этой зыбкой почве, — это непрочный мир маленького человека. И бумага у меня все время во что-то превращается: то

в паруса, то в экран, на котором возникают тени... В спектакле много идей, которые возникали давно, но тогда их трудно было реализовать: мы работали вместе, жили общими проблемами. А теперь я свободен...

Специально для «Театра на бумаге» придумал новые фокусы. Например, подбрасываю вверх карты, а вниз, как листья, бесконечно падают большие бумажные сердца... Есть какие-то простые вещи. Бомж просыпается, и жизнь кажется ему замечательной: в мсорке нашел пакет с недопитым молоком, недокуренную сигаретку, а больше ничего и не надо — было бы солнце и небо над головой. Он полез по лестнице вверх и растворился, исчез. Только конфетти сыплется, сыплется...

...**Как-то по телевизору показывали старого клоуна. Огни руки — он жонглировал тремя спичками.**

— Люблю андерсеновского Оле-Лукойе — этот образ рождался много лет, и наконец появился номер. На сцене вырастают красивые четырехметровые бумажные деревья. Я выхожу с цветным зонтиком и с черным, рассказывая свои волшебные истории через необычные фокусы. Цветной зонтик оставляю висеть в воздухе, а черный ставлю на пол — стоит, как стол. Я достаю из него листочек бумаги и делаю бабочку. Отпускаю — она улетает. Или беру лист и делаю поросенка, снимаю с его носа пятячки и бросаю в поросенка, потому что поросенок оказывается копилкой. Или складываю из листа бумаги пароходик. Из трубы идет дым, гудит пароход! Переворачиваю его, пароходик превращается в бумажную курочку, которая несет настоящее яйцо. Разбиваю яйцо, выливаю — по сцене побежали бумажные мышки... Очень долго не мог найти материал для кафтана Оле-Лукойе. Ведь наряд у него был чудесный: отливал то голубым, то зеленым, то красным, смотря в какую сторону повернется Оле. Отыскал наконец подходящую ткань на... Кубе.

...**Никогда не мог понять: почему люди боятся выгладеть смешными, откуда такой комплекс? В этом ведь нет ничего страшного.**

— Захотелось самому сыграть и Мага, и его помощника. Ассистент скромный, аккуратненький, расставляет все старательно, пылиночки сдувает: мол, подождите, я — так, а Он вот-вот появится... Выходит расфуфыренный, самоуверенный Маг, но фокусы показывает так небрежно, что видны все секреты. А помощник выбегает, все поправляет, уносит. Когда Маг пытается продемонстрировать фокус с цветными кубами, один-единственный белый куб куда-то пропадает. Ассистент должен был найти его, достав прямо из пола. Но как это сделать? У меня ушло больше трех лет, чтобы придумать сложный складной

куб: морочил голову конструкторам и изобретателям, потратил кучу денег на материалы и опыты. Но однажды мне приснился сон. На пустой сцене вдруг увидел свой белый куб. Только он был весь смятый, уничтоженный. Я так обрадовался, поднял смятый бумажный блин, аккуратно расправил его хрупкие грани, и вот он уже стал похож на куб — изломанный, мятый, но все равно самый дорогой на свете. И я ушел со сцены с этим кубом как победитель. Как просто... Оказывается, не надо было ничего придумывать, наворачивать: куб просто сминается и лежит на полу, но это трогает сердце и запоминается больше, чем обычный фокус.

...**Хочу сыграть короля Лира. Знаешь, говорят: от короля до клоуна — один шаг... Я хочу найти этот шаг и стать Лиром, оставаясь в облике клоуна.**

— Все собираюсь закрыть свою тетрадку и ничего нового не записывать. Невозможно. Услышал песню — появилась идея жонглера-неудачника, который не может поймать ни одного мячика. Он ничего не понимает, воет белугой, складывает все в сумку и покидает зрителей. Но на сцене остается какой-то реквизит. Он возвращается за ним и вдруг вытворит фантастические трюки! Все видят, что он звезда! Уходит героем, но... воет белугой: ну не его день сегодня!..

Спектакль почти готов. Все придумано, и даже такое ощущение, что я его уже работаю. То не нравится воротничок к костюму, то обувь, постоянно что-то перешиваю, доделываю. Но я давно уже пришел к выводу, что все должно идти естественным путем. Не надо торопиться.

В финале спектакля нет декораций. Огромный рулон белой бумаги превращается в бесконечную дорогу, которая ведет в глубь сцены, и я ухожу по этой дороге, почти проваливаясь в ней. Меня остается все меньше и меньше, потом только палец, будто маленький человек где-то далеко-далеко, на горизонте. Такая простая идея: уходит человек, а все смотрят ему вслед.